

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АССОЦИАЦИИ
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ
ЧАСТЬ 2**

Ю. П. Шабаев

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая ул., 26

На рубеже 1980–1990-х гг. в России возникло большое количество различных этнических и этнополитических организаций, призванных представлять интересы этнических групп. Многие из них стремились стать реальными политическими акторами на уровне своих регионов, однако только некоторые смогли реально воздействовать на местную власть и принимаемые ею решения. Этот факт повлиял на то, что уже во второй половине 1990-х гг. начался кризис этнонациональных движений и организаций и произошло резкое падение их общественного влияния, а многие этнополитические объединения фактически прекратили свое существование. В статье рассматривается история формирования трех крупнейших этнополитических ассоциаций России — Конфедерации народов Кавказа (КНК), Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНСС и ДВ), именуемой в англоязычной литературе Российской ассоциацией индигенных народов Севера (RAIPON), Ассоциации финно-угорских народов (АФУН). Указывается, что кооперирование этнонациональных организаций и движений в широкие этнополитические ассоциации имело свою логику, которая была связана с ограниченным политическим ресурсом региональных организаций, представлявших интересы отдельных народов, и необходимостью усиления лоббистских возможностей этнополитических объединений как на региональном, так и на общенациональном уровнях. Показано, что три крупнейшие российские этнополитические ассоциации возникали на разной культурной основе: лингвистической, культурно-хозяйственной, региональной, но все они стремились превратиться в некие альтернативные или параллельные институты политического представительства. Однако этническим ассоциациям так и не удалось стать влиятельной политической силой и лишь АКМНСС и ДВ имеет определенный политический вес, ибо изначально выбрала тактику партнерства с легитимной властью в Центре и на местах.

Ключевые слова: этнические объединения, этничность, этнополитика, гражданство.

**ОПЫТ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

В числе наиболее влиятельных этнических объединений России следует назвать Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНСС и ДВ), которая пользуется влиянием не только в России, но и на международной арене, и известна на Западе как RAIPON. Организация была создана в 1990 г. Инициаторами ее создания были писатели, представ-

лявшие малочисленные народы Севера. В годы горбачевской перестройки они активно стали обсуждать проблемы сохранения коренных малочисленных народов и обратились за поддержкой к руководству страны. Им было предложено самим разработать конкретные решения, направленные на поддержку малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В результате возникла идея создать ассоциацию, и весной 1990 г. в Москве прошел первый съезд народов Севера, который посетил лидер страны Михаил Горбачев. На съезде была учреждена Ассоциация малочисленных народов Севера, а ее председателем был избран нивхский писатель Владимир Санги.

В уставе организации, который был принят в 1993 г. и впоследствии существенно дополнен, сказано: «Целями Ассоциации являются:

- объединение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;
- защита прав и интересов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;
- содействие духовному, культурному, социальному и экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;
- защита исконной среды обитания, сохранение и развитие традиционного образа жизни и традиционных видов хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;
- защита прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на землю, природные ресурсы в местах исторического проживания в соответствии с Конституцией Российской Федерации, действующим законодательством Российской Федерации и международными правовыми актами;
- защита прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии;
- сохранение исторического и культурного наследия, языков, национальных традиций и обычаев коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;
- содействие широкому ознакомлению общественности с историческим и культурным наследием, традициями и обычаями коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;
- укрепление согласия между людьми различных национальностей, вероисповеданий и убеждений» [Устав Общероссийской общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»].

«Владимир Санги как руководитель ассоциации не оправдал себя, и на Втором съезде Ассоциации в 1993 г. ее председателем был избран хантыйский писатель Еремей Айпин, к тому времени уже получивший известность в стра-

не как видный общественный деятель. По его инициативе были разработана программа деятельности Ассоциации, заключено соглашение с Государственным комитетом по делам Севера (Госкомсевером), ассоциация стала постоянным участником Арктического совета (представляющего восемь арктических стран), началась реализация международных проектов по поддержке малочисленных народов Севера. В 1997 г. на III съезде народов Севера большинство делегатов проголосовало за избрание председателем Ассоциации заместителя председателя Думы Ямало-Ненецкого округа Сергея Харючи. На IV съезде, прошедшем в апреле 2001 г., с. Харючи был вновь переизбран председателем Ассоциации и оставался на этом посту до марта 2013 г. На VIII съезде АКМНСС и ДВ, прошедшем в марте 2013 г. в Салехарде, Ассоциацию возглавил депутат Госдумы Григорий Ледков, руководящий ею и ныне.

На IV съезде было отмечено, что из 45 коренных малочисленных народов (перечень этих народов утвержден Постановлением Правительства РФ в 2000 г.) 10 находятся на грани исчезновения. Была высказана идея учредить Институт уполномоченного по правам коренных малочисленных народов РФ. В резолюцию съезда было включено также предложение внести на рассмотрение Совета безопасности страны вопрос «О критическом положении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». Под воздействием Ассоциации власти России приняли программу оказания помощи коренным малочисленным народам, рассчитанную на период до 2010 г., а также ряд законодательных актов, которые защищают права и интересы этих народов. Аналогичные акты приняты и в ряде субъектов РФ. Кроме того, Ассоциация смогла получить широкую международную поддержку, которая позволяет сохранять традиционную среду обитания коренных малочисленных народов, их традиционный образ жизни и одновременно создает условия для интеграции традиционных сообществ в рыночную экономику и в современное информационное общество» [Шабаев, 2014, с. 57–58].

Хотя АКМНСС и ДВ, как и Конгресс народов Кавказа, была создана по инициативе снизу, характер ее деятельности принципиально отличался от последнего. В основу деятельности лидеров Ассоциации был положен принцип постоянного диалога и партнерства с институтами власти как федерального, так и регионального уровней. Опираясь на этот принцип, в РФ была создана правовая основа, обеспечивающая защиту интересов малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока. К числу законодательных актов, которые прямо ориентированы на решение названной задачи, в первую очередь надо назвать три: закон от 30 апреля 1999 г. №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», закон от 20 июля 2000 г. №104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов», закон от 7 мая 2001 г. №49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Помимо этого, важным документом является постановление Правительства РФ от 24.03.2000 №255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации», в котором фактически признавался особый статус названных народов. Включение в «Единый перечень» позволяло общинам

коренных народов, ведущих традиционное хозяйство, быть освобожденными от налога на землю, получать государственные субсидии и т. д., чем особенно активно пользовались оленеводы, объединенные в родовые общины и кооперативы, что привело к существенному росту поголовья северных оленей, особенно на Ямале, где в связи в этом возникла новая проблема — перевыпаса и сохранности оленьих пастбищ.

Деятельность Ассоциации способствовала росту самосознания коренных народов, повышению интереса к языкам и культурам этих народов. Стабилизация ситуации внутри сообществ коренных малочисленных народов Севера привела к тому, что наметился рост их численности, о чем свидетельствуют результаты переписей населения 2002 и 2010 г. Но, как и многие другие этнические организации, АКМНС и ДВ не очень строго следовала российскому законодательству. В результате 1 ноября 2012 г. Верховный суд РФ выдал предписание о приостановке деятельности Ассоциации сроком на шесть месяцев в связи с тем, что ее устав не соответствовал действующему законодательству. Данное решение вызвало болезненную реакцию как среди активистов этнических объединений, так и со стороны ряда международных организаций. На VIII съезде ассоциации в 2013 г. в устав были внесены необходимые изменения, и Ассоциация смогла полноценно возобновить свою деятельность.

На сегодняшний день есть две проблемные сферы, на которые постоянно обращают внимание и лидеры ассоциации, и активисты различных региональных организаций, входящих в АКМНС и ДВ: а) проблема политического участия и б) проблема сохранения традиционного образа жизни и хозяйства. Каждая связана с решением целого комплекса вопросов и требует привлечения опыта, ресурсов и возможностей, которыми обладают государственные институты, поэтому конструктивное партнерство между коренными малочисленными народами Севера (КМНС) и государством есть главное условие их дальнейшего существования и культурного прогресса.

Что касается участия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в политических процессах, то оно порой является сугубо формальным, поскольку в силу небольшой численности большинства из этих культурных сообществ их члены имеют крайне мало шансов быть избранными в представительные органы власти или реализовать себя как политических деятелей. Нормы либеральной демократии, на основании которых строятся политические институты в современных демократических обществах, подразумевают, что эти институты создаются в результате волеизъявления большинства граждан. В силу этого голос миноритарных сообществ (численность которых варьируется от нескольких сотен до нескольких тысяч человек) и их интересы могут быть не услышаны или проигнорированы. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» (ст. 13.) закрепил за субъектами РФ право устанавливать квоты на представительство коренных малочисленных народов в региональных представительных органах и представительных органах местного самоуправления, исходя из необходимости обеспечения защиты их прав и исконной среды обитания. Однако в области регулирования избирательных прав граждан не менее важен закон от 22.05.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных

гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которому допускается возможность образовывать избирательные округа на территориях компактного проживания коренных малочисленных народов с отклонением от нормы представительства избирателей до 30% (вместо 10–15% по общей норме), но не обозначены иные гарантии, обеспечивающие политическое представительство этих народов, включая механизм предоставления квот. Заметим, к примеру, что попытка введения квот для ненцев в Ненецком автономном округе оказалась крайне неудачной. Тем не менее, как отмечает бывший вице-президент АКМНСС и ДВ по вопросам законодательства и охраны окружающей среды Михаил Тодышев, п. 3 ст. 1 выше-названного закона «позволяет на федеральном уровне (федеральными конституционными законами, иными федеральными законами) и на уровне субъектов Федерации (законами субъектов Российской Федерации) устанавливать гарантии избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, дополняющие гарантии, установленные настоящим Федеральным законом. Это, наверное, единственная площадка в этом Федеральном законе, на которую мы сегодня можем опираться для того, чтобы реализовывать на практике положения ст. 13 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» о квотном представительстве в региональных парламентах» [Тодышев, 2013, с. 146].

В рекомендациях Международного круглого стола, прошедшего в марте 2013 г. в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации при участии АКМНСС и ДВ и Международной рабочей группы по правам коренного населения (IWGIA), было, помимо прочего, сказано: «... в тех случаях, когда в парламенте не предусмотрен специальный орган, уполномоченный выступать от имени коренных малочисленных народов, рекомендовать создание:

- депутатской комиссии по делам коренных малочисленных народов Севера с определением ее статуса и особых полномочий или совета (палаты) представителей коренных малочисленных народов при законодательном органе с совещательно-консультативными функциями из представителей этих народов — бывших депутатов, кандидатов в депутаты, не получивших необходимого числа голосов во время выборов, иных лиц, уполномоченных выступать от имени данных народов» [Рекомендации, 2013, с. 190]. Очевидно, что примером для подобных предложений послужили саамские парламены в странах Скандинавии, опыт самоуправления в Гренландии (Домашнее правление), на Аляске, а также канадский опыт самоопределения первых наций Юкона.

Достаточно долго в среде активистов этнических организаций коренных малочисленных народов дискутировалась идея создания парламента коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока как консультативного представительного органа при Государственной Думе.

Тем не менее, несмотря на то что слушания по проблемам коренных малочисленных народов в последующие годы неоднократно проводились в стенах Государственной думы и иных государственных учреждений Российской Феде-

рации, проблема политического представительства коренных малочисленных народов, включая и малочисленные народы Кавказа, так и не была окончательно решена. Федеральное законодательство задавало слишком жесткие рамки для конструирования регионального политического дизайна и потому удачные решения, которые были найдены и реализованы в 1990-е гг., не получили должного развития и их пришлось либо отвергнуть, либо существенно трансформировать, ограничив возможности местных политических институтов учитывать региональную культурную специфику.

Так, в Дагестане пришлось отказаться от использования принципов демократии согласия [Тишков, Шаббаев, 2013, с. 165–167] при формировании республиканских органов власти, которая обеспечивала «устойчивость политического баланса в Дагестане» в 1990-е гг. [Кисриев, 2005]. В результате возможности коренных малочисленных народов этой республики быть представленными в органах законодательной и исполнительной власти были резко ограничены, и, наоборот, открылось окно возможностей для обеспечения политического доминирования для численно преобладающих групп и клановых отношений.

В Ханты-Мансийском автономном округе в 1990-е гг. была найдена удачная модель политического представительства для аборигенных групп населения этого субъекта. Уставом Ханты-Мансийского автономного округа (принят в 1995 г.) и Законом округа «О выборах депутатов Думы Ханты-Мансийского автономного округа» предусматривается существование наряду с гражданским представительством (выбор в представительный орган власти от лица всех граждан субъекта Федерации) формы этнического представительства коренных малочисленных народов Севера (выбор депутатов по этническому принципу) — Ассамблеи коренных малочисленных народов Севера. Цели Ассамблеи — представлять в органах власти коренные малочисленные народы, защищать и отстаивать их интересы политическими методами. Она не является самостоятельным органом государственной власти, а формируется из числа депутатов окружной думы, избранных по единому многомандатному избирательному округу. Ассамблея состоит из пяти депутатов (первоначально было шесть). Это число депутатских мест есть квота представительства малочисленных народов, заполнение которой происходит в ходе выборов по мажоритарной системе в едином многомандатном округе, которым является территория Ханты-Мансийского округа. Закон «О выборах депутатов Думы Ханты-Мансийского автономного округа» правом выдвижения кандидатов по данному избирательному округу наделяет Съезд коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории округа. Порядок проведения съезда регламентируется утвержденным в мае 2000 г. окружным Законом «О порядке проведения Съезда коренных малочисленных народов Севера по выдвижению кандидатов в депутаты Думы Ханты-Мансийского автономного округа по единому пятимандатному избирательному округу».

Законом подробно регламентируется процедура выборов делегатов съезда на региональных и районных собраниях (сходах), конференциях коренных малочисленных народов Севера в муниципальных образованиях округа. Для избрания устанавливалась квота: один делегат от 200 граждан, которые относятся к одному из коренных малочисленных народов, проживающих в Ханты-

Мансийском округе и имеющих право голоса. Для победы кандидату надо набрать наибольшее число голосов избирателей только своего избирательного округа. Но агитацию надо было вести на территории двух десятков одномандатных избирательных округов, поэтому победа на выборах представляет собой непростую задачу и является выражением политического доверия населения к кандидату [Шабаев, 2017, с. 42–43].

Однако ограничения, которые предусмотрены федеральными законами о выборах и о принципах формирования законодательных и исполнительных органов власти в субъектах РФ, заставили в 2000-е гг. пересмотреть порядок формирования Ассамблеи. Правовые ограничения вынудили отказаться от единого территориального избирательного округа и унифицировать процедуру выборов. Теперь члены Ассамблеи избираются на общих основаниях, а потому пришлось ограничить ее состав всего тремя депутатами, но даже это количество депутатов не всегда удается набрать в ходе выборов, что не позволяет сформировать полноценно работающий орган политического представительства для аборигенных групп населения ХМАО.

Проблема политического участия и политического представительства меньшинств культурных сообществ есть прежде всего региональная политическая проблема, ибо только на местах понятны и очевидны все сложности, с которыми сталкиваются представители КМНС, проживающие в том или ином субъекте; и здесь можно оперативно решать возникающие в их жизни сложности и конфликты. В большинстве случаев региональные власти не игнорируют требования, которые выдвигаются лидерами местных этнических организаций КМНС, но нередко интересы малочисленных групп прямо сталкиваются с интересами местных сообществ в целом, интересами развития территорий, и на этой почве возникают многочисленные конфликты (не говоря уже о прямых посягательствах на права КМНС). Для решения конфликтов и многочисленных текущих проблем необходима сложная, постоянная и согласованная работа как руководителей и активистов этнических организаций, так и региональных/местных властей. Но это не всегда случается. Да, в большинстве субъектов при исполнительных или представительных органах власти созданы консультативные советы, в работе которых принимают участие этнические активисты и представители государственных служб, но порой эти органы носят сугубо формальный характер, а их решения декларативны и не претворяются в жизнь.

Часто власти на местах не принимают решений в пользу общин коренных малочисленных народов потому, что действующим на территориях традиционного обитания этих народов промышленным компаниям нужна «свобода рук» для успешной производственной деятельности. А крупные компании (особенно добывающие) — это рабочие места, налоги в местный бюджет, и ссориться с основными налогоплательщиками региональные власти не хотят. Правда, в богатых нефтедобывающих регионах добывающие и крупные сервисные компании уже давно привыкли к тому, что надо проявлять социальную ответственность и вести диалог как с местным населением в целом, так и с общинами коренных народов — оказывать им помощь. Такая помощь оказывается регулярно, проблемы обсуждаются, но равноправного диалога часто не получается.

Другая проблема состоит в том, что гарантированные российским законодательством права коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на практике оказываются нереализуемыми. В частности, это касается закона о территориях традиционного природопользования (ТТП). Несмотря на то, что закон существует 20 лет, многие попытки создать такие территории оказывались безуспешными. Исключения составляют нефтедобывающие округа (ЯНАО и ХМАО) и Республика Саха (Якутия), где в свое время были созданы действенные органы политического представительства для миноритарных культурных сообществ (ныне ситуация в этом отношении серьезно осложнилась, как сказано выше) и где власти ведут системную работу по решению проблем КМНС. Но даже там функционирование ТТП сталкивается со сложностями, а их режим регулярно нарушается.

Правда, существует ряд объективных экономических и правовых сложностей для создания ТТП [Потравный и др. 2017] что, однако, не снимает ответственности с региональных властей, пытающихся переложить проблемы создания ТТП на сами коренные народы, добывающие компании, федеральный центр. Отсутствие территорий с правовым статусом ТТП порождает много конфликтных ситуаций, особенно в отношениях между представителями коренных народов и промышленными компаниями, между миноритарными культурными группами и доминантным большинством, и эти конфликты не всегда удается успешно разрешать. Именно для решения таких спорных проблем необходим федеральный закон об этнологической экспертизе, о котором в данном издании сказано отдельно.

Нерешенность многих проблем КМНС на местах заставляет активистов этнических организаций обращаться в международные организации и выступать на различных международных форумах с критикой в адрес российских властей. Особенно часто используется для этого Постоянный форум ООН по вопросам коренных народов.

Очевидно, что в российских регионах необходимы политические лоббисты, которые будут иметь постоянную и легитимную трибуну, соответствующий политический статус, что позволит им активно отстаивать интересы малочисленных этнических групп. Но таких лоббистских и представительских институций пока создано немного и, как сказано выше, есть целый ряд ограничений правового и организационного характера, тормозящих их создание. В связи с этим предпринимаются попытки учредить подобные институты явочным порядком. Примером подобного рода можно назвать события на Кольском полуострове, где в 2008 г. в Оленегорске был проведен первый съезд саамов Мурманской области, в декабре 2010 г. состоялся второй съезд, на котором был избран Саамский парламент Кольского полуострова (Куэлэдагк Непарк Самь Соббар). В состав парламента 73 делегата съезда избрали 9 депутатов сроком на 4 года. Было принято положение о парламенте, в котором указывалось, что данный орган призван представлять саамов в федеральных, региональных и муниципальных органах власти РФ и за рубежом. Надо признать, что правовая основа для создания областного парламента саамов отсутствовала, строгая процедура его формирования не была разработана, в учреждении института приняли участие

далеко не всеми саамы Кольского полуострова и не все саамские организации, которых в Мурманской области несколько, а опыт создания и функционирования саамских парламентов в Швеции, Финляндии и Норвегии вообще не был учтен. Явочный порядок создания регионального саамского парламента явно не согласовывался с идеями саамского парламентаризма, изложенными в достаточно хорошо проработанных законах соседних стран [Закон, 1992, с. 113–116]. Вместе с тем и региональные власти со своей стороны не предприняли достаточно усилий по организации консультаций, с помощью которых можно было снять возникшие противоречия и создать рабочую группу по формированию консультативного представительного органа для кольских саамов. Вместо этого они решили создать некий альтернативный парламент, который был таким же декоративным, как и созданный на втором съезде саамов институт саамского политического представительства.

В ноябре 2014 г. прошел третий съезд саамов Кольского полуострова, который внес еще больший раскол в ряды саамской общественности (а противоречия существовали и прежде). Этот съезд был поддержан и во многом инициирован региональными властями. Был избран новый саамский совет с тем же названием, при этом сохранился парламент, выбранный на втором съезде, члены которого называют третий съезд проправительственным, ангажированным, организацией-двойником. Власти Мурманской области признали новый совет как выбранный народным собранием, но на самом деле действия властей не только усугубили раскол в саамском движении, но и вызвали критику со стороны общественных организаций соседних стран и особенно саамских организаций Скандинавии, поскольку саамы называют себя единым народом, и в 1986 г. саамская конференция утвердила саамский национальный флаг и гимн, слова которого написал Исаак Саба. Саамским советом разработана «Общая культурно-политическая программа северных стран», которой руководствуются и саамы России, вошедшие в состав Совета в 1992 г.

Саамы Финляндии, Швеции и Норвегии в последние годы ведут активную борьбу за признание своих прав. Существенное изменение их статуса произошло в 2017 г., когда эти страны подписали Саамскую конвенцию. Главное значение этого документа состоит в том, что саамы получили статус коренного народа. До подписания Конвенции только в Финляндии они имели конституционное право называться коренным народом.

Саамская конвенция признает коллективные и индивидуальные права саамов как единого саамского народа на земли и воды, связанные с их традиционным хозяйством и образом жизни. Эксперты особо разъясняют, что саамы не хотят отделяться от государств, в которых они проживают, чтобы сформировать отдельное саамское государство. Можно сказать, что право на самоопределение в Саамской конвенции основано на этнической принадлежности, а не на территории. В этом документе нашли отражение и другие, важные для саамов вопросы: о саамском реестре, о способах принятия решений в случаях конкуренции прав саамов на самоопределение с правами на самоопределение «не-саамов» и т. д. Российские саамы и российские представители не принимали участия в разработке и принятии этой Конвенции. Даже из неполного перечня

рассмотренных в этом документе проблем и их решений видно, что впереди у саамов еще длительный путь развития, в том числе и политического» [Шаббаев, Денисенко, 2017, с. 518–525]. Тем не менее, саамская конвенция, которая прямо не касается России, все же накладывает на власти Мурманской области дополнительную ответственность при определении принципов региональной этнополитики, решении проблем саамского меньшинства.

Кольский прецедент не был случайным, а стал отражением той позиции, которую согласовали КМНС на съезде в Салехарде в 2013 г., где была принята так называемая Салехардская декларация, в которой, в частности, отмечалось:

«Рекомендовать государствам в срочном порядке выполнить свои обязательства по реализации права коренных народов на самоопределение, создать национальные комитеты или другие учреждения, состоящие из представителей государства и коренных народов с целью достижения соглашений по содержанию и применению права коренных народов на самоопределение, уделяя особое внимание вопросу, как данное право может быть реализовано.

Рекомендовать государствам создать национальные законодательства и правовые учреждения по вопросам земель, вод и других ресурсов, на которые коренные народы предъявляют право собственности или пользования, провести работу по разграничению таких земель и ресурсов с целью юридического признания и защиты прав коренных народов на земли, территории и ресурсы, которыми они традиционно владели, занимали или иным образом использовали или приобретали...» [Салехардская декларация, 2014].

Конечно, притязания на некое этническое самоопределение связаны с политическими амбициями как региональных лидеров, так и руководства АКМНСС и ДВ, ростом их политического сознания, укреплением международных связей. Однако этническое самоопределение нереализуемо, ибо этнические группы не признаются субъектами международного права.

Более актуальными для сохранения и развития народов Севера являлись проблемы, связанные не столько с языком и сохранением культурных традиций, сколько с занятостью, решением проблем социально-экономического развития национальных поселков на Севере, созданием условий для полноценного функционирования общин коренных малочисленных народов, т.к. традиционные отрасли хозяйства пришли в упадок и проблема безработицы стала одной из самых острых для КМНС; жилье, коммуникации, связь, объекты социальной сферы в национальных поселках находятся в крайне изношенном состоянии. Именно эти вопросы оказались в центре внимания VIII съезда АКМНСС и ДВ, проходившем в марте 2017 г. в Салехарде, и на них вполне оправданно было сконцентрировано внимание в итоговой резолюции съезда. Иными словами, этнические организации сосредоточили внимание на самых актуальных вопросах, с которыми сталкиваются представители малочисленных народов каждодневно.

Однако в деле создания условий для устойчивого развития как отдельных общин КМНС, так и сообществ в целом есть много сложностей, и без специальной программы государственной поддержки их не решить. Поэтому актуальной стала задача выработки новой федеральной программы оказания помощи коренным малочисленным народам и ее региональных аналогов. Отсюда становится оче-

видным, что АКМНСС и ДВ объективно заинтересована в партнерских отношениях с институтами власти в центре и на местах, и именно такое взаимодействие будет определять характер ее деятельности в обозримой перспективе.

ОПЫТ МАНИФЕСТАЦИИ ЭТНИЧНОСТЬЮ: НЕСОСТОЯВШИЕСЯ АМБИЦИИ ФИННО-УГОРСКИХ ЛИДЕРОВ

Очевидным примером политической манифестации этничностью является деятельность Ассоциации финно-угорских народов России, правда, главным образом на начальном этапе ее существования. В начале 1990-х гг. сформировались (или были воссозданы) этнонациональные организации и движения у финно-угорских народов России. Состав, активность, политическое влияние этнонациональных организаций и движений были различны, но даже на начальном этапе, когда происходила выработка их политических и идейных позиций, определились общие интересы и общие подходы к решению этнокультурных и этнополитических проблем у организаций, призванных отстаивать интересы разных народов, принадлежащих к уральской языковой семье.

Общие интересы и общие цели стали основой для интеграции названных движений в некую общероссийскую политическую организацию, попытки создания которой предпринимались еще в 1920-е гг., хотя тогда главное внимание уделялось вопросам национально-культурного развития и просвещения финно-угорских народов страны, а не решению политических задач. Политизация общественной жизни в России после распада СССР в 1991 г. не могла не сказаться на деятельности массово создававшихся в то время этнонациональных организаций и движений, которые попытались определить свое место в общем спектре политических сил страны. Заметным событием, связанным с подобными усилиями, было создание Ассоциации финно-угорских народов России. Официальное учреждение Ассоциации произошло в начале февраля 1992 г. на конференции полномочных представителей национально-культурных движений в Сыктывкаре, созванной по инициативе Комитета возрождения коми народа, который в тот период пользовался значительной поддержкой республиканских властей, а его финансирование обеспечивалось за счет отдельной строки в региональном бюджете.

Учредительная конференция приняла Декларацию, в которой указывалось, что Ассоциация создается с «целью консолидации усилий и координации действий наших народов в борьбе за выживание и создание благоприятных предпосылок для формирования единого финно-угорского социально-экономического, культурного и информационного пространства; с целью выработки статуса коренных народов в своих государственных образованиях, в которых они оказались национальными меньшинствами» [Декларация учредительной конференции полномочных представителей финно-угорских народов, 1994, с. 227].

Декларацию подписали Комитет возрождения коми народа, Исполком всеудмуртской ассоциации, Общество национального возрождения мордовского народа «Масторава», Общество радетелей коми-пермяцкого языка, литературы, культуры «Югэр».

Высшим органом Ассоциации является съезд, который созывается не реже одного раза в три года. В Ижевске 16 мая 1992 г. состоялся первый Всероссийский съезд финно-угорских народов России, который утвердил устав Ассоциации и в резолюции «Статус съезда» указал еще раз, что съезд является «высшим национально-этническим органом финно-угорских народов Российской Федерации, добровольно объединившихся в Ассоциацию, и ставит своей целью воссоздание единого финно-угорского мира» [Статус съезда, 1996, с. 247], т.е. изначально организация строилась на основе некоего паннационалистического, но мифологичного по сути своей концепта, восходящего к культурной идее «Великой Финляндии» (Suur-Suomi), рожденной еще в конце XIX столетия [Терюков, 2015, с. 82–85]. Был также утвержден устав Финно-угорского фонда, в котором намеревались аккумулировать средства от пожертвований, взносов членов Фонда, средства от проведения благотворительных аукционов, доходы от хозяйственно-производственной деятельности и иные поступления, которые должны были расходоваться на поддержку инициатив, направленных на сохранение культурных традиций, поддержку молодежных инициатив и т.д. Но Фонд так и не начал работу, поскольку ни взносов, ни пожертвований, ни хозяйственной деятельности, ни благотворительных аукционов, т.е. совершенно никакой конкретной повседневной работы лидеры и активисты АФУН не вели.

Документы первого съезда АФУН можно рассматривать как **«манифест этнического национализма»**, но не только. В них совершенно отчетливо просматривается стремление не только к утверждению в региональной политике идей этнического национализма, но и практик институционального расизма. В частности, это стремление отразилось в Декларации съезда «О реализации суверенных прав финно-угорских народов России в условиях новой системы федеративного устройства», где предлагалось реформировать республиканские парламенты и создать одну из двух палат исключительно «по принципу крови»: «Съезд считает, что высшие законодательные и исполнительные органы государственной власти в суверенных финно-угорских республиках, входящих в состав РФ, нуждаются в реформировании. Цель реформирования — прямое включение коренных народов в процесс выработки, принятия и реализации решений на высшем государственном уровне. Наиболее эффективным в этом направлении действием съезд видит создание профессиональных двухпалатных парламентов в республиках с правом вето обеих палат, одна из которых полностью состояла бы из депутатов коренного народа» [Декларации «О реализации суверенных прав финно-угорских народов России в условиях новой системы федеративного устройства», 1996, с. 251]. Тем самым представители «коренного народа» получали бы как бы два голоса, поскольку избирали бы депутатов и в «национальную палату» республиканских парламентов, и в «общую» палату, что прямо ущемляло права иноэтнических граждан, которые практически во всех республиках с финно-угорским населением составляют большинство населения. А сама практика формирования парламента по принципу крови имеет очевидную аналогию с опытом формирования парламента ЮАР эпохи позднего апартеида, когда в стране были

созданы палаты для белых, для «цветных» и для индийцев [Тишков, Шабаев, 2013].

Показательно, что расовая идея реформирования республиканских парламентов и создания палаты коренного народа неоднократно звучала в выступлениях делегатов этнических съездов и находила отражение в итоговых документах съездов коми народа, народа мари [Шабаев, Чарина, 2010], но никогда не осуждалась региональными политиками, и по поводу этих решений не было заявлений ни со стороны Конституционных судов (ибо она противоречила базовым принципам Конституции РФ), ни со стороны республиканских прокуроров, что свидетельствовало о недостаточном уровне их этнополитической грамотности и невнимании к нормам федерального законодательства.

Второй съезд был создан летом 1995 г. в столице Коми-Пермяцкого округа городе Кудымкаре. На нем была утверждена новая редакция Устава организации с внесенными в него изменениями, принята декларация с осуждением войны в Чечне и некоторые другие дежурные документы.

Очень показательно, что третий съезд состоялся при активной поддержке федеральных властей спустя десять лет (!) после предыдущего, что свидетельствовало о не востребованности самого этого форума и его декоративном характере. Съезд прошел в Москве в 2005 г., когда фактически пришлось воссоздавать Ассоциацию заново, поскольку она не прошла положенную законом перерегистрацию. Этот съезд показал, что Ассоциация не ставит перед собой конкретных целей и задач, не планирует вести активной практической работы на местах, а механизмы интеграции отдельных региональных этнонациональных организаций в общероссийское движение остаются неопределенными. Суть съезда свелась к выдвиганию претензий в адрес официальных властей и составлению перечня требований к ним. Содержание многих требований свидетельствовало о том, что делегаты являются сторонниками идеи навязывания этничности. В политическом плане резолюция призывала к противопоставлению этничности и гражданства. При этом съезд обошел вниманием такие серьезные коллизии, как кампания в защиту марийского народа, развернувшаяся в начале 2005 г. на Западе, итогом которой стало расследование ситуации с «положением марийского народа», инициированное Европарламентом и порученное депутату от Эстонии Катрин Сакс, представившей в итоге совершенно непрофессиональный доклад [Тишков, Шабаев, 2007].

На четвертом съезде, который состоялся осенью 2009 г. в Саранске, появились новые акценты в политических позициях организации: говорилось о необходимости укрепления гражданского единства россиян. В целом же повторялись старые требования, связанные с идеей огосударствления этничности. Резолюция съезда вновь содержала в основном требования и предложения, адресованные федеральным и региональным властям, но предполагала также постановку задач перед самой организацией. В частности, намечалось создание собственных сайтов, заявлялось о возможности осуществления мониторинга, связанного с анализом культурных и социальных процессов, затрагивающих интересы финно-угорского населения РФ. Кроме создания информационно ненасыщенного сайта, ничего сделано не было.

Пятый съезд Ассоциации, который прошел в сентябре 2013 г. там же, в Саранске, не принес принципиальных изменений в деятельность и идейные позиции организации, хотя идея общенационального единства россиян звучала на съезде все более определенно.

Последний VI съезд, проходивший 27–29 сентября 2017 г. в столице Коми г. Сыктывкаре, показал, что съезды превратились из некой формы этнического представительства в совершенно декоративный орган, главная цель которого — не обсуждение насущных проблем этнокультурного и социально-экономического развития народов, не выработка конкретных инициатив и постановка конкретных задач перед организацией в целом и перед активистами на местах, а собственно сами выступления с трибуны.

Неэффективности АФУН отчасти способствует тот факт, что данная организация находится как бы «в тени» Всемирного конгресса финно-угорских народов и его исполнительного органа — Консультативного комитета, отделения которого есть во всех регионах, где проживают народы уральской языковой семьи. Но и эти структуры не отличаются особой активностью и не ведут конкретной работы по решению проблем финно-угров на местах, особенно в сельской местности, поскольку большинство финно-угорских народов все еще представляют собой преимущественно сельские сообщества.

Сам выбор делегатов на последний съезд АФУН оказался весьма странным, поскольку в состав участников попало много совершенно случайных людей, но это естественно, ибо не разработаны строгие процедуры избрания делегатов на съезд (впрочем, как и на другие подобные этнические съезды, за исключением ХМАО).

Съезд превратился в некую манифестацию культурной отличительности и карнавал этнических презентаций: его работу сопровождали выступления фольклорных и самодеятельных коллективов, выставки, различные перфомансы, демонстрации мастерства народных мастеров и т. д.

Но обязательным пунктом в итоговой резолюции этого мероприятия (чрезвычайно лаконичной и неконкретной) стало упоминание о гражданском единстве и сохранении межнационального мира.

В частности, в резолюции было декларативно заявлено: «Делегаты Съезда констатируют, что финно-угорское движение вносит значительный вклад в укрепление и поддержку межнационального согласия. Финно-угорские народы России понимают ответственность за сохранение единства и целостности государства, языкового и культурного наследия и считают, что оно может быть обеспечено только в условиях формирования межнационального согласия, способствующего развитию гражданского общества и укреплению единства российской нации» [Резолюция VI съезда, 2017]. Поскольку АФУН не ведет никакой конкретной деятельности, становится не совсем понятно, как его деятельность способствует укреплению «межнационального согласия».

Очевидно, что эволюция АФУН от проповедника идей этнического национализма в сторонника гражданского единства сугубо формальная, поскольку съезды проводятся на государственные деньги и в его работе участвуют многие государственные чиновники или работники бюджетной сферы. Но встает

закономерный вопрос о необходимости такого декоративного форума и о том, как превратить его в более эффективный инструмент государственной национальной политики, а возможно, и в инструмент социальной рекламы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судя по всему, широкие этнические ассоциации, возникшие на рубеже 1980–1990-х гг., уже изжили себя, ибо превратились в совершенно декоративные объединения, никак не влияющие на общественные настроения как среди этнических групп, которые они представляют, так и среди региональных сообществ, в соседстве с которыми эти народы проживают. Исключением является лишь АКМНСС и ДВ, но и у нее есть свои проблемы. Необходимо реформатирование названных организаций, а их общественное и политическое влияние можно усилить лишь за счет активной практической работы на местах при условии решения насущных проблем местных сообществ. В связи с этим встает необходимость усиления их лоббистских возможностей, ибо, как показал опыт деятельности Ассамблеи коренных малочисленных народов в Думе ХМАО, пока она формировалась посредством прямого волеизлияния представителей КМНС, проживающих в округе, ее влияние и функционал позволяли оказывать реальное воздействие на региональную этнополитику. Сегодня эти возможности существенно урезаны, и поэтому стоит согласиться с высказываем Р. Абдулатипова о том, что необходима «корректировка федеральных и региональных правовых норм, регулирующих разграничение предметов ведения и полномочий между федеральным центром и ... субъектами Российской Федерации с целью оптимизации этих норм...», поскольку «ссылка на особенности регионов не дает правовых оснований для принятия законов и проведение политики, противоречащих Конституции Российской Федерации и общефедеральному законодательству» [Абдулатипов, 2007, с. 257]. В частности это касается законов, которые регулируют формирование специфического регионального политического дизайна, отвечающего особенностям регионов со сложным этническим и конфессиональным составом населения. Глобальная унификация законодательства в этой сфере противоречит идеям федерализма и заставляет отказываться от найденных на местах и хорошо показавших себя моделях, с помощью которых удавалось согласовывать политические интересы самых разных культурных групп населения регионов.

Литература

Декларации «О реализации суверенных прав финно-угорских народов России в условиях новой системы федеративного устройства» // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1. Национальные движения Марий Эл / авт.-сост. С. М. Червоная. М.: ИЭА РАН, 1996. 552 с.

Декларация учредительной конференции полномочных представителей финно-угорских народов // Штрихи этнополитического развития Коми Республики. Очерки. Документы. Материалы / сост. Ю. П. Шабаев. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 249–252.

Закон о законодательном собрании саами и других правовых вопросах, связанных с народом саами // Государство и право. 1992. № 9. С. 271–273.

Кисриев Э. Ф. Природа устойчивости политического баланса в Дагестане // Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: опыт Дагестана. Материалы международной научной конференции. Москва 25–27 мая 2004 года. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 40–79.

Потравный И. М., Гассий В. В., Афанасьев С. М. Территории традиционного природопользования: ограничения развития или факторы экономического роста? // Арктика: экология и экономика. 2017. №2 (26). С. 4–16.

Резолюция VI съезда Общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации»// URL: http://afunrf.ru/assets/files/Rezoluciya_VI_syeza%20AFUN%20RF_2017.pdf (дата обращения: 1.06.2019).

Рекомендации по созданию условий для реального участия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в политическом процессе // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. Сб. материалов Междунар. круглого стола «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и система парламентаризма в Российской Федерации: реальность и перспективы», 12–13 марта 2003 года, Москва. М.: IWGIA, 2003. С. 187–191.

Салехардская декларация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации к Всемирной конференции по коренным народам 2014 года. URL: <http://www.kmns.admhmao.ru> (дата обращения: 1.06.2019).

Статус съезда финно-угорских народов Российской Федерации // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1. Национальные движения Марий Эл / авт.-сост. С. М. Червоная. М.: ИЭА РАН, 1996. С. 245–248.

Терюков А. Великая Финляндия // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник. Изд. 2-е, испр. и доп., иллюстр. М.; Берлин: Direct-MEDIA, 2015. С. 82–85.

Тишков В. А., Шабает Ю. П. Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, 2007. № 196. 31 с.

Тишков В. А., Шабает Ю. П. Этнополитология. Политические функции этничности. Учебник. М.: Изд-во МГУ, 2013. 413 с.

Тодышев М. Коренные малочисленные народы Севера и избирательная система в Российской Федерации // Участие коренных народов в политической жизни стран циркумполярного региона: российская реальность и зарубежный опыт. Сб. мат. Международного круглого стола «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока и система парламентаризма в Российской Федерации: реальность и перспективы» 12–13 марта 2003 года. Москва. М.: IWGIA, 2003. С. 143–156.

Устав Общероссийской общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL: http://www.raipon.info/documents/Docs_RAIPON/25.04.2017%20УСТАВ%20Ассоциации%20в%20новой%20редакции.pdf (дата обращения: 1.06.2019).

Шабает Ю. П. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник. М.: Директ- Медиа, 2014. С. 56–59.

Шабает Ю. Ассамблея коренных малочисленных народов Севера // Народы Севера России. Обычаи, традиции, культура. Справочник. М.: Кнорус, 2017. С. 42–45.

Шабает Ю., Денисенко В. Саамы // Народы Севера России. Обычаи, традиции, культура. Справочник. М.: Кнорус, 2017. С. 518–525.

Шабает Ю. П., Чарина А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). СПб.: СПбГУСЭ, 2010. 275 с.

Шабает Юрий Петрович — д-р ист. наук, проф.; shabaev@mail.illhkomisc.ru

Статья поступила в редакцию: 1 июня 2019 г.;

рекомендована в печать: 15 ноября 2019 г.

Для цитирования: Шабаяев Ю. П. Этнокультурные ассоциации как политические акторы. Ч. 2. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16, № 1. С. 4–21. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.101>

ETHNOCULTURAL ASSOCIATIONS AS POLITICAL ACTORS. PART 2

Yury P. Shabaev

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Center of Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 26, Kommunisticheskaya ul., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; shabaev@mail.illhkomisc.ru

At the turn of the 1980–1990s, a large number of various ethnic and ethno-political organizations emerged in Russia that were called upon to represent the interests of different ethnic groups. Many of them sought to become real political actors at the level of their regions, but only a few were able to significantly influence local governments and their decisions. This contributed to the crisis of ethnonational movements and organizations that began in the second half of the 1990s and saw a sharp fall in their public influence. Furthermore, many ethno-political associations actually ceased to exist. The article discusses the history of the formation of the three largest ethno-political associations of Russia — the Confederation of Peoples of the Caucasus (CPC), the Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East (RAIPON), the Association of Finno-Ugric Peoples (AFUP). It is indicated that the cooperation of ethnonational organizations and movements into broad associations had its own logic, which was associated with the limited political resource of regional organizations representing the interests of individual peoples, and with the need to strengthen the lobbying capabilities of ethno-political associations at both regional and national levels. It is shown that the three largest Russian ethno-political associations arose from different cultural foundations: linguistic, cultural-economic, regional, but they all sought to develop into some kind of alternative or parallel institutions of political representation. However, ethnic associations did not succeed in becoming influential political forces and only RAIPON has a certain political weight, since it has initially chosen the tactics of partnership with the legitimate authorities in the Center and in the Regions. In the North Caucasus, ethnic leaders failed to provide a real alternative to the Islamic idea and local political elites became the reason for the failure. As for the AFUP, the failure is connected to the obvious attempt of its ideologists to juxtapose ethnicity and citizenship and to the very decorative nature of the organization, which was originally organized as a political tribune, and not as an organization of action. But all three of these organizations are experiencing serious difficulties in their development and their continued existence as independent political actors is possible only if their lobbying capabilities and public importance are enhanced.

Keywords: ethnic associations, ethnicity, ethno-politics, citizenship.

References

Abdulatipov R. *Ethnonational policy in the Russian Federation (concepts, practice, implementation, prospects)*. Moscow, Klassiks Stil' Publ., 2007. 552 p. (In Russian)

Declaration "On the implementation of the sovereign rights of the Finno-Ugric peoples of Russia in the conditions of the new system of federal structure". *Awakening of the Finno-Ugric North. Experience Mari El*. T. 1. Natsional'nye dvizheniia Marii El. Comp. by S. M. Chervonnaia. Moscow, IEA RAN Publ., 1996, pp. 249–252. (In Russian)

Declaration of the constituent conference of plenipotentiaries of the Finno-Ugric peoples. *Shtrikhi etnopoliticheskogo razvitiia Komi Respubliki. Ocherki. Dokumenty. Materialy*. Comp. by Iu. P. Shabaev. T. 1. Moscow, IEA RAN Publ., 1994, pp. 113–116. (In Russian)

Kisriev E. F. The nature of the stability of the political balance in Dagestan. *Mногоэтничные сообщества в условиях трансформации: опыт Дагестана. Материалы международной научной конференции. Москва, 25–27 мая 2004 года*. Moscow, IEA RAN Publ., 2005, pp. 40–79. (In Russian)

Law on the Sami Legislative Assembly and other legal issues related to the Sami people. *Gosudarstvo i pravo*, 1992, no. 9, pp. 271–273. (In Russian)

Potravnyni I. M., Gassii V. V., Afanas'ev S. M. Areas of traditional nature management: development limitations or factors of economic growth? *Arktika: ekologiya i ekonomika*, 2017, no. 2 (26), pp. 4–16. (In Russian)

Recommendations on the creation of conditions for the real participation of small indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation in the political process. Uchastie korennykh narodov v politicheskoi zhizni stran tsirkumpoliarnogo regiona: rossiiskaia real'nost' i zarubezhnyi opyt. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo kruglogo stola "Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka i sistema parlamentarizma v Rossiiskoi Federatsii: real'nost' i perspektivy", 12–13 marta 2003 goda, Moskva. Moscow, IWGIA Publ., 2003, pp. 187–191. (In Russian)

Resolution of the VI Congress of the All-Russian Public Movement "Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation. URL: http://afunrf.ru/assets/files/Rezoluciya_VI_syeza%20AFUN%20RF_2017.pdf (accessed: 1.06.2019) (In Russian)

Salekhard Declaration of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation to the 2014 World Conference on Indigenous Peoples. URL: <http://www.kmns.admhmao.ru> (accessed: 1.06.2019). (In Russian)

Shabaev Iu. P. Russian Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and Far East. *Ural'skaya yazykovaya sem'ya: narody, regiony i strany. Etnopoliticheskii spravochnik*. Moscow: Direkt-MEDIA Publ., 2014, pp. 56–59. (In Russian)

Shabaev Iu. Assembly of Indigenous Minorities of the North. *Peoples of the North of Russia. Customs, traditions, culture. Spravochnik*. Moscow, Knorus Publ., 2017, pp. 42–45. (In Russian).

Shabaev Iu., Denisenko V. Saami. *Peoples of the North of Russia. Customs, traditions, culture. Spravochnik*. Moscow, Knorus Publ., 2017, pp. 518–525. (In Russian).

Shabaev Iu. P., Charina A. M. *Finno-Ugric nationalism and civil consolidation in Russia (ethnopolitical analysis)*. St. Petersburg, SPbGUSE Publ., 2010, 275 p. (In Russian).

Teriukov A. Great Finland. *Ural'skaia iazykovaia sem'ia: narody, regiony i strany. Etnopoliticheskii spravochnik*. 2nd ed., rev., suppl., ill. Moscow; Berlin: Direct-MEDIA Publ., 2015, pp. 82–85. (In Russian)

The Charter of the All-Russian Public Organization "Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation". URL: http://www.raipon.info/documents/Docs_RAIPON/25.04.2017%20УСТАВ%20Ассоциации%20в%20новой%20редакции.pdf (accessed: 01.06.2019). (In Russian)

The status of the Congress of the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation. *Probuzhdenie finno-ugorskogo Severa. Opyt Marii El. T. 1. Natsional'nye dvizheniia Marii El*. Comp. by S. M. Chervonnaia. Moscow, IEA RAN Publ., 1996, pp. 245–248. (In Russian)

Tishkov V. A., Shabaev Iu. P. *Ethnopolitology. Political functions of ethnicity*. Uchebnik. 2nd ed., rev., suppl. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 2013, 413 p. (In Russian)

Tishkov V. A., Shabaev Iu. P. Finno-Ugric problem: the answer to the European Union. *Studies in applied and urgent ethnology*, 2007, no. 196, 31 p. (In Russian)

Todyshev M. Indigenous peoples of the North and the electoral system in the Russian Federation. Indigenous participation in the political life of the countries of the circumpolar region: Russian reality and foreign experience. *Sbornik materialov Mezhdunarodnogo kruglogo stola "Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka i sistema parlamentarizma v Rossiiskoi Federatsii: real'nost' i perspektivy" 12–13 marta 2003 goda, Moskva*. Moscow, IWGIA Publ., 2003, pp. 143–156. (In Russian)

Received: June 1, 2019

Accepted: November 15, 2019

For citation: Shabaev Yu. P. Ethnocultural Associations as Political Actors. Part 2. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 4–21. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.101> (In Russian)